

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801. 001

Л.Г. Ефанова

**КОММУНИКАТИВНАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК НОРМА РЕЧЕВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ
РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ)**

Особенности использования в речи русских местоимений второго лица исследуются в аспекте их способности отражать социальный статус и степень эмоционально-психологической близости коммуникантов. Установление соответствия между признаками ситуаций, в которых используются личные местоимения единственного и множественного числа, и типами выявленных обществоведами социальных дистанций позволило представить отраженную в русской речи коммуникативную дистанцию как особую разновидность речеповеденческих норм.

Ключевые слова: коммуникативная норма, личные местоимения, геометрическая и коммуникативная дистанция.

В первой половине XX в. известный социолог Питирим Сорокин создал учение об обществе как о многомерном пространстве «социальной вселенной». Согласно этому учению социальное пространство обладает сложной системой координат, позволяющей определить положение и измерить перемещение в нем каждого члена социума. При разработке своей теории П. Сорокин учитывал наряду с прочими факторами и данные исследования языкового сознания, устанавливающего аналогии между социальными и пространственными отношениями, что отразилось в таких используемых во многих языках выражениях, как *близкие друзья, дальние родственники, продвигаться по службе, находиться на дне общества, подниматься по служебной лестнице, социальное положение, близкое знакомство* и т. д. Вместе с тем исследователь отмечал, что «социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического» [1. С. 297] прежде всего своей многомерностью и сложностью существующих в социальном пространстве отношений. «То же можно сказать и о производных от этих двух понятий, таких как «геометрическая и социальная дистанция», «подъем в геометрическом и социальном пространстве» и т. д.» [1. С. 298].

Целью данной статьи является исследование способов выражения в речи одной из важнейших характеристик социального пространства, а именно коммуникативной социальной дистанции в ее соотношении с геометрическим расстоянием между коммуникантами в процессе общения.

В середине XX в. западным антропологам удалось установить соответствие между некоторыми видами взаимодействия коммуникантов в социальном пространстве и величиной геометрической дистанции, соблюдаемой ими при непосредственном контакте. Это позволило выявить четыре типа пространственных отношений и, соответственно, четыре разновидности дистанции между коммуникантами: 1) интимные дистанции, допускающие возможность те-

лесного контакта; 2) личные дистанции, определяющие границу физических контактов; 3) дистанции социальных отношений, исключающих конфиденциальность; 4) дистанции публичности, предполагающие возможность обращения одного лица одновременно ко многим людям. Каждая дистанция представляет собой геометрическую величину, которая поддается точному измерению. Она закреплена национально-культурной традицией и может различаться в разных типах обществ [2. С. 247–250].

Мы полагаем, что одним из средств закрепления в национально-культурной традиции величины той или иной дистанции общения являются разные формы обращения к собеседнику или слушателю. Соответствие между формами обращения и дистанцией общения можно установить путем анализа ситуаций, в которых эти формы используются. Так, например, в русском языке дистанции публичности соответствуют официальные обращения (*дамы и господа, товарищи солдаты, граждане судьи*). Для дистанции социальных отношений более характерны обращения по фамилии (*гражданин Иванов*), имени и отчеству (*уважаемая Анна Ивановна*), социальному положению (*коллеги, уважаемые студенты*), при обращении к незнакомым людям используются слова *гражданин, товарищ, мужчина, девушка* и т. д. Личные дистанции позволяют обходиться без обращения по фамилии, при общении между людьми одного возраста – и без отчества, а также использовать неполные имена (*Шура, Володя*). Наибольшим разнообразием и непредсказуемостью отличаются интимные имена и прозвища, однако сфера их применения строго ограничена: они могут быть использованы только близкими друзьями и родственниками в условиях неофициального общения. Так, например, в городе N., описанном Н.В. Гоголем, Чичиков познакомился со многими господами «такого рода, которым жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия: *кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу* и проч.». Однако, несмотря на самое теплое отношение названных господ к Чичикову, интимные имена не могут быть использованы в его беседе с ними, поскольку требуют значительно большей степени близости между собеседниками.

Выбор обращения, как и выбор величины геометрической дистанции при речевом контакте коммуникантов, зависит прежде всего от отношений, определяющих степень их близости в определенной сфере социального пространства (в области бытовых, семейных, родственных, служебных и т. п. отношений). Эту степень близости – социальную дистанцию, проявляющуюся в акте речевого взаимодействия и влияющую на выбор обращения, можно обозначить как речевую (или коммуникативную) дистанцию, которая определяет степень непринужденности речевого общения.

В отличие от геометрической, речевая дистанция не поддается точному измерению, однако она обладает количественными характеристиками, позволяющими говорить о более или менее близких отношениях между субъектами общения. Границы коммуникативной дистанции при общении соблюдаются даже строже, чем величина геометрической дистанции, которая может изменяться под действием случайных внешних факторов и не всегда соответствует типу обращения.

Вместе с тем речевая и геометрическая дистанции имеют ряд общих черт.

Они могут изменяться под действием одних и тех же факторов и в каждом типе социума обладают определенными особенностями. Нормы их соблюдения обычно не декларируются, и в процессе повседневного общения коммуниканты выбирают нужное обращение и соответствующую дистанцию, как правило, интуитивно, подчиняясь определенной социокультурной традиции, в которой величина дистанции и форма обращения служат своего рода кодом, фиксирующим разные типы отношений между людьми. Изменение этих отношений может повлиять на выбор обращения и величину дистанции общения.

Немаловажную роль при выборе дистанции и типа обращения играет национально-культурная традиция. Так, например, установлено, что русские люди более терпимо относятся к нарушению границ личной дистанции, чем немцы и англичане [3. С. 144; 4]. В то же время данные лингвистических исследований подтверждают мнение о том, что «вежливость русского дискурса по сравнению с англосаксонской позволяет более свободно, без лишних церемоний обходиться с собеседником, в результате чего ведение диалога допускает больше возможностей для выражения экспрессии, эмоционального раскрепощения» и свидетельствует «об ином варианте этикетной традиции» [5. С. 62]; (см. также [6; 7]).

Императивный характер, обязательность для соблюдения, количественная определенность, социальная обусловленность, а также наличие регулярных средств выражения позволяют представить речевую дистанцию как одну из коммуникативных лингвоэтологических (речеповеденческих) норм, регулирующих выбор соответствующих речевых стереотипов [8. С. 370].

Одним из элементов русской этикетной традиции является использование при обращении к собеседнику глагольных форм и личных местоимений 2-го лица единственного и множественного числа. В связи с этим в качестве одной из основных функций местоимения *вы* указывается обычно роль вежливого обращения, выражающего почтение, уважение к собеседнику, а обращение на «ты» оценивается как грубоватое и фамильярное (МАС). Такая оценка, по-видимому, не совсем верна, поскольку местоимение *ты* используется, например, при обращении к Богу и близким людям, что отнюдь не свидетельствует об отсутствии к ним уважения, а лишь говорит об определенном типе отношений между вступающими в речевое общение. Так, например, Ю.Д. Апресян отмечает «следующие употребления *ты*: 1) *ты* близкое; 2) *ты* родственное; 3) *ты* детское (в общении детей между собой или при обращении совсем маленьких детей к взрослым); 4) *ты* старшее; 5) *ты* хамское; 6) *ты* панибратское. Добавим к этим шести употреблениям еще *ты* внедиалоговое. Оно используется при мысленном обращении к любым объектам, исключая реальным диалог» [9. С. 34; 10. С. 64]. С другой стороны, местоимение *вы* при обращении к одному лицу первоначально было лишь проявлением вежливости, его использовали «как бы относясь к человеку, который один стоит многих» [11. С. 227]. Однако на современном этапе развития языка функции местоименных обращений в речи усложнились. Помимо выполнения этикетной функции, использование этих местоимений при обращении стало показателем определенной коммуникативной дистанции.

В силу своей делексикализованности местоимения *ты* и *вы* не могут обозначать разную степень близости коммуникантов с такой же точностью, как

другие типы обращений, однако они позволяют четко разделить все типы речевых дистанций на две группы: интимные и личные, с одной стороны, и официальные – с другой. Кроме того, особую роль при общении играет изменение формы обращения.

Исследователи речевых жанров обращают наше внимание на то, что переход с обращения на «вы» к обращению на «ты» служит прагматическим средством эмоционального воздействия на собеседника, причем если переход от вежливого «вы» к фамильярному «ты» есть показатель отрицательного эмоционального воздействия, то, напротив, переход от официального «вы» к дружескому «ты» оценивается адресатом положительно [12. С. 83–84]. В свою очередь, разделение обращений на вежливые, фамильярные, официальные и дружеские отражает разные типы отношений между коммуникантами. Эти отношения могут быть охарактеризованы по двум параметрам: по степени близости (отношения по горизонтали) и по социальному рангу (отношения по вертикали), что соответствует представлениям об основных параметрах организации социального пространства [1. С. 300–301].

Отношения по горизонтали отражены в противопоставлении официальных обращений дружеским. В данном случае величина речевой дистанции обусловлена прежде всего степенью близости коммуникантов в повседневном общении. В этих условиях замена «пустого *вы* сердечным *ты*» свидетельствует о возникновении определенного эмоционального контакта между коммуникантами, способствующего изменению отношений между ними и, как следствие, уменьшению речевой дистанции. Однако такое сближение возможно только в том случае, если эти люди равны по возрасту, по положению в обществе и другим социальным характеристикам.

Отношения по вертикали выражены в противопоставлении вежливых обращений фамильярным, которым соответствует положение коммуникантов относительно друг друга в социальной иерархии. Отношения по вертикали бывают двух видов: отношения равенства и отношения превосходства и подчинения (возрастного, социального, морального и т. д.). Эти отношения существуют в любом социуме, они отражаются на величине речевой дистанции и, следовательно, определяют выбор обращения. В условиях равенства оба коммуниканта используют при общении одно и то же местоименное обращение «*ты*» или «*вы*», в зависимости от степени их близости «по горизонтали». Отношения неравенства могут выражаться в обращении вышестоящего к нижестоящему на «*ты*», но не наоборот. Обращение на «*ты*» младшего к старшему, подчиненного к начальнику может быть оценено как недопустимая фамильярность.

Таким образом, коммуникативная дистанция предстает как величина неоднородная. Она зависит от разных факторов, среди которых могут быть названы степень близости людей в повседневном общении (отношения по горизонтали) и их положение в социальной иерархии (отношения по вертикали). Обращение на «*ты*» лежит в точке пересечения этих двух координат и требует от собеседников, во-первых, определенной степени близости (знакомство, родство) и, во-вторых, наличия между ними отношения равенства или превосходства (но не подчинения).

Наряду с уже описанными качествами, коммуникативная дистанция об-

ладает свойством направленности и является поэтому величиной векторной. Это свойство речевой дистанции проявляется в том, что ее размеры могут быть уменьшены или увеличены усилиями коммуникантов. Направленность речевой дистанции определяется тем, кто из коммуникантов инициирует ее изменение. В условиях равенства инициатором изменения речевой дистанции может быть любой из коммуникантов, первым использовавший обращение на «ты», однако если коммуниканты находятся в отношениях превосходства-подчинения, инициатива уменьшения коммуникативной дистанции должна исходить от того, чей социальный статус выше. Напротив, нижестоящий может воспрепятствовать уменьшению коммуникативной дистанции, продолжая использовать обращение «вы». Таким образом, смена формы обращения является показателем изменения в социальных отношениях коммуникантов.

Примером такого изменения может служить история отношений Раскольникова и Сони Мармеладовой в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В начале знакомства эти герои обращаются друг к другу на «вы», что соответствует степени их близости в социальном пространстве «по горизонтали» (их встречи случайны и непродолжительны). Герои романа не делают попыток уменьшить дистанцию общения до того момента, пока Раскольников не принимает решения признаться Соне в своем преступлении. С этого времени он начинает обращаться к Соне на «ты». Для Раскольникова изменение формы обращения является знаком сближения «по горизонтали», возникновения между ними доверительных отношений, поскольку, с его точки зрения, отношений неравенства между ними нет. Однако Соня неизменно использует в обращении к Раскольникову слово *вы*, признавая тем самым его социальное и моральное превосходство над ней. И только с момента признания в совершенном преступлении, сделавшего Раскольникова таким же и даже более «несчастливым» (т.е. грешным), чем она сама, Соня переходит к обращению на «ты»: «Нет, нет *тебя* несчастнее никого в целом свете!.. И зачем я *тебя* прежде не знала! Зачем *ты* прежде не приходил?» Обращение на «ты» становится для Сони и показателем равенства в отношениях, и знаком возникшей между нею и Раскольниковым близости.

Когда в речевое общение вступают незнакомые друг с другом люди, величина коммуникативной дистанции между ними предполагает использование обращения «вы». Употребление в этой ситуации местоимения *ты* является нарушением одной из этикетных норм. Однако результаты опроса информантов (50 студенток заочного отделения Томского государственного педагогического университета в возрасте 20–30 лет) свидетельствуют о том, что данное нарушение может оцениваться по-разному в зависимости от возраста и пола коммуникантов. Более половины опрошенных оценили как «нормальное» обращение к ним на «ты» пожилых людей обоего пола, 20% информантов увидели в таком обращении со стороны пожилой женщины выражение доброжелательности. В то же время более половины опрошенных оценили такое обращение со стороны незнакомой женщины одного с ними возраста как фамильярное, а со стороны незнакомого мужчины – как фамильярное (39%) и даже грубое (48%). Около 80% информантов полагают, что обращение к ним на «ты» незнакомого подростка было бы проявлением грубости, а более 20% из них увидели в таком обращении сигнал угрозы.

Результаты опроса дают возможность определить степень значимости в социальной иерархии возрастных отношений и подтверждают предположение о векторном характере речевой дистанции и ее тенденции уменьшаться в направлении от старшего к младшему. Противоположная направленность речевой дистанции наблюдается при обращении на «ты» младшего к старшему и оценивается, как правило, отрицательно. Исключением являются ситуации, когда обращение на «ты» к незнакомому пожилому человеку сопровождается словами *отец, мать, бабушка, дедушка*. Такие обращения характерны только для славянской речевой культуры и используются только в просторечии. В странах Запада обозначение незнакомца терминами родства не принято. На мусульманском Востоке слова *отец* и *мать* обычны при обращении к пожилым людям, но они сопровождаются местоимением *вы*.

Встречающееся в русском просторечии обращение к незнакомому человеку старшего возраста на «ты» в сопровождении терминов близкого родства заставляет вспомнить этимологию слова *фамильярный*, образованного от латинского *familiaris* – «семейный, домашний»; такое обращение, как правило, не вызывает негативной реакции у адресата. Причину этого мы видим в том, что в данной ситуации сокращение речевой дистанции мотивируется контекстом обращения, устанавливающим аналогию с родственными отношениями. Такое символическое включение человека в число близких родственников делает уменьшение коммуникативной дистанции безболезненным для адресата, поскольку отводит ему почетное место в семейной иерархии.

Иначе оценивается обращение на «ты» к незнакомым людям близкого возраста. Использование местоимения *ты* даже в сопровождении соответствующего термина родства (*сестра, брат*) обычно воспринимается адресатом как немотивированное нарушение границ речевой дистанции. Причиной этого, возможно, являются предполагаемые такими обращениями отношения равенства между коммуникантами, что не всегда соответствует представлениям об этих отношениях, имеющимся у адресата.

Результаты опроса информантов показывают, что на величину речевой дистанции влияет также и пол коммуникантов. Принадлежность к одному и тому же полу делает общение даже незнакомых друг с другом людей более непринужденным, допуская в ряде случаев использование в обращении местоимения *ты*. Напротив, в общении мужчины и женщины одного возраста, не связанных родственными или дружескими отношениями, обычно используется местоимение *вы*, причем женщины в этих ситуациях более требовательны к соблюдению дистанции, чем мужчины. Это дает основание предположить, что в социальном пространстве наряду с параметрами, определяющими отношения коммуникантов «по горизонтали» (знакомство, родство) и «по вертикали» (в социальной иерархии), существуют параметры, которые разделяют это пространство на «мужскую» и «женскую» части, взаимодействие между которыми подчиняется определенным правилам. Деление социального пространства на «мужское» и «женское» во многом условно и базируется в основном на этикетных традициях. Поэтому, в частности, в просторечии и диалектах, где нормы этикета соблюдаются менее строго, требование обращаться к лицу противоположного пола на «вы» при отсутствии дополнительных условий (например, разницы в возрасте) часто не соблюдается.

Исследование особенностей использования обращений в разных ситуациях общения позволяет сделать вывод о речевой дистанции как важной характеристике речевого взаимодействия, отражающей положение коммуникантов относительно друг друга в многомерном социальном пространстве. Являясь, с одной стороны, выражением в речи социальной дистанции, а с другой – взаимодействуя с геометрической дистанцией, соблюдаемой в процессе общения, коммуникативная дистанция предстает как область пересечения социального и геометрического пространства, отражающая реально существующие отношения между коммуникантами. Вместе с тем речевая дистанция может быть представлена и как сфера взаимодействия разнообразных социальных и психологических норм, в число которых входят правила этикета, культурно обусловленные национальные традиции, а также необходимая для полноценного речевого общения ситуативно обусловленная степень эмоционального контакта между коммуникантами.

Литература

1. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
2. Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 1998.
3. Акишина А.А. Немного о жестах и речи // Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. М., 1991.
4. Козлова Л.А. Концепт личного пространства и способы его языковой представленности (на материале английского языка в сопоставлении с русским) // <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/ko>.
5. Шаронов И.А. О допустимой резкости в русских стратегиях ведения диалога // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 58–62.
6. Бойко И.Б. О свойствах Я-пространства в русском и немецком языках // Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф. Ч. 1. Тамбов, 2001.
7. Камкина Е.О. Концепт личного пространства говорящего в английском языке // Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф. Ч. 2. Тамбов, 2001.
8. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
9. Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
10. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956. Т. 1.
12. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 67–88.